18+

Илья Ромашев

Дневник инвестора

Как начать строить капитал на фондовом рынке

Илья Ромашев

Дневник инвестора. Как начать строить капитал на фондовом рынке

«Издательские решения»

Ромашев И.

Дневник инвестора. Как начать строить капитал на фондовом рынке / И. Ромашев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Перед вами — честный и прикладной дневник инженера, который доказывает: инвестиции — не элитарный клуб, а понятная система для каждого. Это книга не о макроэкономике, а о мышлении, преодолении кризисов и реальных тактиках защиты капитала. О дисциплине, характере и том, как заставить деньги работать ради свободы и уверенности.

© Ромашев И.
© Издательские решения

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 6
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Дневник инвестора
Как начать строить капитал на фондовом рынке

Илья Ромашев

© Илья Ромашев, 2026

ISBN 978-5-0071-6974-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Выход из системы

Каждый день миллионы людей совершают один и тот же ритуал. Они просыпаются по сигналу будильника, на автомате глотают кофе, штурмуют душное метро или стоят в бесконечных пробках, чтобы продать самое дорогое, что у них есть — свое время. Взамен система выдает им разноцветные бумажки. На эти бумажки люди покупают новые смартфоны в кредит, брендовые вещи на распродажах и билеты в Турцию на две недели в году, чтобы хоть ненадолго забыть о том, как сильно они устали. Это называется гонкой потребления. Бег в колесе, где финишной черты просто не существует.

Перед каждым наемным работником рано или поздно встает жесткий, бескомпромиссный выбор: проесть всё заработанное здесь и сейчас или построить свой собственный, независимый выход из этой матрицы.

Когда твоя работа приносит хорошие деньги, отказаться от навязанных соблазнов вдвойне сложнее. Но если эта работа забирает твое здоровье, нервы и, самое главное, заставляет проводить лучшие годы жизни вдали от жены и детей — цена становится слишком высокой.

Эта книга — не скучный учебник по макроэкономике с заумными графиками и терминами, от которых тянет в сон. Здесь не будет сказок о том, как успешно вложить одну копейку и проснуться миллиардером на лазурном берегу. Перед вами — честный, прикладной дневник инженера нефтегазовой отрасли. Человека, который на своем опыте доказал: инвестиции — это не закрытый элитарный клуб для парней в дорогих костюмах с Уолл-стрит. Это понятная, прозрачная и логичная система, доступная каждому.

Мой путь начинался не с миллионов. Он начался с мелких, почти незаметных шагов — с копеек от округления банковских карт и реинвестирования копеечного кэшбэка. Этот путь привел меня к статусу квалифицированного инвестора и управлению сотнями тысяч рублей коллективного капитала.

Чтобы заставить деньги работать на себя каждый день, вам не нужен диплом финансиста. Нужны кое-какие другие вещи: холодный инженерный расчет, железная дисциплина и упрямый характер. И если этот путь смог пройти простой пацан с района, значит, сможете и вы.

ГЛАВА 1

Становление инвестора: почему инвесторами становятся, а не рождаются

Мерзкий, пронзительный звук будильника разрезает тишину. На часах начало седьмого утра. За окном — полная, глухая, беспросветная темнота. Рука на автомате нашаривает телефон на тумбочке, чтобы прекратить это ежедневное издевательство над организмом.

Несколько секунд ты просто неподвижно лежишь, уставившись в потолок, и пытаешься собрать мысли в кучу: кто ты, где ты и зачем вообще нужно всё это непотребство.

Ах да. На дворе морозное сибирское утро. За тонкими, едва удерживающими тепло стенами общежития раскинулась бескрайняя, глухая тайга Иркутской области. А впереди тебя ждут очередные двенадцать часов рабочей смены.

Добро пожаловать на вахту.

У меня есть ровно сорок минут на сборы. Пытаясь спародировать что-то из модных дыхательных практик, чтобы окончательно проснуться, я опускаю ноги на прохладный пол. В коридоре отчетливо щелкает замок: кто-то из соседей уже занял умывальник. Выругавшись про себя и понимая, что сейчас свободен только душ, я иду приводить себя в порядок туда.

Возвращаюсь в комнату, завариваю кофе в самой простой, копеечной капельной кофеварке и одновременно готовлю быстрый завтрак. Сегодня на очереди сырники со сметаной. Это хороший день. В дни, когда «принятие бытия» затягивается, я могу перебиться обычным бутербродом с ветчиной.

Пока ароматные темные капли лениво падают в чашку, я подхожу к окну и приоткрываю шторку. За стеклом лежит плотный слой снега, который в этих краях уже даже не пытается таять. На экране телефона всплывает стандартное для здешних мест, но от этого не менее бодрящее уведомление от МЧС: *«Внимание! В районе зафиксированы случаи выхода медведей к населенным пунктам и производственным объектам»*.

Я осторожно всматриваюсь в серые сумерки. Никого. Только на задворках, где-то далеко у вертолетной площадки, лениво перелаиваются местные собаки.

В 7:40 я начинаю натягивать на себя плотную спецовку, привычным движением намертво затягиваю шнурки на тяжелых рабочих ботинках и выхожу на металлическое крыльцо общаги. По привычке, выработанной годами, я, как сова, кручу головой на 360 градусов.

Когда ты живешь посреди дикой тайги, а в новостях то и дело проскакивают сообщения о нападении хищников, эти сто метров до АБК — административно-бытового комплекса — ты проходишь в максимальном тонусе. Ловишь каждый звук, прислушиваешься к любому шороху в кустах.

В эту самую секунду из-за тяжелых туч пытается пробиться блеклое, холодное северное солнце. Но его тут же намертво скрывает очередное поганое серое облако.

В 7:55 я захожу в кабинет, подключаюсь к селектору, открываю рабочую почту. Ровно в восемь утра я начинаю вещать. Очередной день сурка запущен.

Сегодня моя должность звучит красиво и научно — ведущий инженер по надежности в крупной нефтегазодобывающей компании. По образованию я теплотехник. Моя задача — чистая аналитика. Я ищу коренные причины отказов сложного, дорогостоящего оборудования: огромных котельных, турбин, систем водоснабжения. Расследую аварийные остановы, считаю критичность узлов и разрабатываю технические мероприятия, чтобы производство не встало ни на минуту, а компания не теряла миллионы рублей. Здесь нужна холодная голова, дерево гипотез и жесткий математический расчет. Здесь нет места эмоциям — железо, в отличие от людей, врать не умеет.

Но если бы шестнадцать лет назад парню, который работал обычным охранником в Восточно-Сибирском Речном Пароходстве, сказали, что он будет сидеть в этом кресле, да еще и

с официальным юридическим статусом «квалифицированного инвестора», он бы просто рассмеялся этому человеку в лицо.

Мой путь в эту суровую, но честную систему начался в августе 2015 года. Я приехал в центральный десятиэтажный офис компании в Иркутске на подписание документов. Честно говоря, знатно офигел от пафоса и благолепия. На полу начищенный мрамор, посередине — огромный полукруглый ресепшн, строгая, оценивающая служба безопасности. Я, простой пацан с района, уверенно пру прямо через турникет. Меня, естественно, жестко тормозят:

— Молодой человек, вы куда? Вас ожидают? Паспорт предъявите.

Через пару минут меня встретил менеджер по персоналу и провел в отдел кадров. Там мне долго, сладко и вдохновенно пели о том, как у них здорово на месторождениях. Рассказывали про комфортабельные современные общежития, трехразовое горячее питание и условия по самому высшему разряду — разве что массаж стоп после смены делать не обещали. Мол, радуйся, тебе крупно повезло, что мы вообще обратили на тебя внимание и взяли к себе.

И вот настал день Х. Я прилетаю в Усть-Кут. В аэропорту меня встречает мой будущий напарник Геннадий. Сначала мы заезжаем на огромный склад за спецодеждой. И тут я офигел во второй раз, потому что мне выдали два гигантских, неподъемных куля со снаряжением весом по 15 килограммов каждый! Чтобы вы понимали масштаб: до этого я работал на авиазаводе, и там куртку своего размера я безбожно ждал три года. А тут — всё новое, плотное, твое. На секунду мне показалось, что кадровики не врали.

А дальше началось то, о чем благообразные девочки в чистом городском офисе предпочитали тактично молчать, либо не знали вовсе.

Пункт сбора, где мы ждали отправки на дальний объект, встретил меня обшарпанной комнатой на восемь двухъярусных коек, которые едва держались на честном слове и скрипели от любого вздоха. Но это, как оказалось позже, были еще цветочки. Самый жесткий вызов ждал меня на самом месторождении.

Вспоминается очередной заезд в данный пункт сбора. За окнами бесконечно шумел затяжной дождь. Мы с товарищами уютно устроились на первых ярусах кроватей, а один из коллег на втором. И вот предвкушая крепкий сон, мы уснули. Но разбудил его вовсе не настойчивый звон будильника. Потяжелевшая от влаги, раскисшая минеральная плита потолка беззвучно отделилась от каркаса и плашмя рухнула прямо ему на лицо. «Ну что, умылся, Алексей?» — не удержался я, и через секунду грохот хохота разорвал сонную тишину, раскатившись по всему этажу

До объекта мы тряслись по разбитой, убитой в хлам грунтовой дороге. Двести километров ада. Восемь часов беспрерывной, выматывающей качки в душной, пахнущей соляркой будке КамАЗа. Когда машина наконец затормозила, я, уставший, злой, со звоном в ушах, но все еще пытающийся держать марку, натянул вежливую улыбку на лицо и пошел знакомиться с руководством.

Начальник цеха — мужик с обветренным лицом и тяжелым взглядом — вообще не высказал никакой радости от появления нового сотрудника. Он окинул мою городскую улыбку презрительным прищуром и сухо буркнул:

— Иди заселяйся в вагон.

— Постойте… — растерялся я, чувствуя, как внутри начинает нарастать тревога. — А как же суперкомфортабельные общежития? Ну, которые мне в кадрах обещали? Джакузи там, все дела?..

Суровые, прокуренные мужики в курилке у входа дружно, издевательски заржали:

— Пасись, детка. Общежитие у нас на промысле всего одно, и оно на центральном месторождении, ты его как раз проезжал сорок километров назад. А здесь, на дальнем участке, все живут в вагонах и балках.

— Ну… а как туда пройти? Где мой вагон? — выдавил я.

— Иди и ищи сам, мы тебе тут не мама с папой, водить за ручку не будем. И нам глубоко плевать на твою улыбку и хорошее настроение. Заселяешься в вагон — и пулей на инструктаж по технике безопасности. И запомни раз и навсегда: тебе здесь не дом. Тут все постоянно в тонусе, не расслабляйся. Ты теперь оперативный персонал: либо быстро привыкай, либо вали на все четыре стороны, пока КамАЗ обратно идет.

Словив дичайший, парализующий стресс от такого «теплого» приема, я побрел по колено в грязи искать коменданта. В голове на повторе крутилась только одна упадническая мысль: «И на кой хрен мне всё это было надо?! Жил же нормально».

После знакомства с комендантом, я открыл дверь ушатанного, перекошенного вагончика. На входе — месиво из серой глины, на столе возле старого электрического конвектора сохнут и невыносимо воняют чьи-то рабочие сапоги. Сам вагон — тесный, восьмиместный. Две двухъярусные койки слева, две справа. Проход такой узкий, что двум взрослым мужикам не разойтись. Нижние места, понятное дело, давно и прочно заняты местными «дедами». Мне, как самому молодому, достался второй ярус.

Туалет? Деревянная, обдуваемая всеми ветрами будка на улице в тридцати метрах от вагона. Помыться толком негде — на весь вахтовый посёлок стояло одно общежитие барачного типа с шестью душевыми, куда после смены нужно было занимать очередь и пробиваться с боем. Там жили уже старожилы, комнаты на трёх-четырёх человек. Вот куда нужно стремиться подумал я.

Я вышел обратно на улицу, сел на сырую деревянную скамейку у края отсыпанной площадки и мертвым взглядом уставился в глухую, черную стену темного леса. Рука сама привычным, старым жестом дернулась к карману куртки в поисках пачки сигарет, хотя на тот момент я не курил уже больше пяти лет.

Внутри всё просто разрывалось от крика: *«Бросай этот ад! Забирай документы, садись в кузов и возвращайся в Иркутск. В теплый, чистый дом, к любимой девушке. Да, там зарплата будет в два раза ниже, да, придется затянуть пояс, но зато там — твоя понятная, безопасная зона комфорта»*.

Я посидел так минут десять, глядя на суровое, свинцовое северное небо. И вдруг внутри словно щелкнул какой-то упрямый, ржавый внутренний тумблер. Сдаваться? Бежать поджав хвост в первый же день? Хрен там! Сдаваться мы не умеем, меня в этой жизни этому никто не учил.

Вызов принят, мужики. Я вам тут тоже не хрен с горы. Будете наглеть — буду кусать в ответ. Посмотрим, кто кого переломит.

И знаете, что? Прошли полтора месяца моей первой вахты, и я сам не заметил, как полностью, с потрохами влился в этот ритм. Я без потерь прошел все жесткие рабочие проверки, выдержал суровые мужские приколы и стал своим в этой стае. Мужики, которые в первый день показались мне неотёсанными извергами, на поверку оказались отличными, надежными и глубоко душевными людьми. Просто суровая среда заставляла их носить эти тяжелые рабочие маски.

С тех пор прошло одиннадцать лет. Из тех новобранцев, что заезжали на объект вместе со мной, многие сломались, забрали трудовые и уволились в первый же год. Не выдержали быта, изоляции и давления. А я — остался.

За эти одиннадцать лет я провел на Севере в общей сложности больше пяти с половиной лет безвылазно. Почти 50 000 часов чистой работы посреди дикой тайги, туч гнуса, прожорливой мошки и лютых зимних морозов под минус 55 градусов. В такую погоду металл становится хрупким, как стекло, а человеческая воля — каменной.

Я честно прошел карьерную лестницу с рабочего персонала: начинал простым оператором газотурбинных установок, крутил гайки на пронизывающем ветру, потом стал старшим

оператором, начальником смены, мастером, старшим мастером и, наконец, немного поработал и начальником участка.

Лезть дальше, в высшее административное руководство компании, у меня амбиций нет. Я руководил людьми шесть лет и прекрасно знаю, какой это неблагодарный, адский труд, когда каждый подчиненный считает, что ты ему что-то должен, а высшее начальство требует невозможного. Инженером быть проще и честнее: ты отвечаешь за железо. А железо, повторюсь, не умеет врать. Если ты всё рассчитал правильно — оно работает.

Сегодня условия на нашей вахте стали по-настоящему крутыми. У меня лучшая двухместная комната в новом модульном общежитии, свой чистый душ, туалет в тепле и даже стабильный вайфай. Но самое главное заключается в другом: вахта полностью, до основания перекроила мое мышление. Она заставила меня совершенно по-новому взглянуть на концепцию личных финансов.

Вахтовый метод — это, если разобраться, лучшая в мире школа финансовой грамотности. Но только в том случае, если ты умеешь этой школой правильно пользоваться.

Большинство ребят на Севере совершают одну и ту же трагическую ошибку. Они заезжают в тайгу, вкалывают как проклятые в тяжелейших условиях, гробя здоровье, получают на руки хорошую, увесистую котлету денег. Но как только они возвращаются домой на межвахту, у них напрочь сносит крышу. Они начинают безбожно, безумно сорить деньгами. Покупают в кредит огромные дорогие тачки, которые им не по карману, упаковываются в брендовые шмотки, спускают сотни тысяч рублей в кабаках и ресторанах за пару недель.

Они наивно пытаются этими фантиками «компенсировать» те тридцать пять дней, что провели в изоляции среди медведей и замерзших труб. Но по факту они просто меняют свою единственную жизнь и здоровье на сиюминутные понты, оставаясь вечными рабами этой сырьевой системы. Они вынуждены возвращаться на вахту снова и снова, потому что долги и привычка жить на широкую ногу требуют новых вливаний.

Я посмотрел на этот процесс с точки зрения инженера по надежности, разложил его на составляющие и обнаружил в вахтовом методе колоссальные, уникальные экономические плюсы, которые можно и нужно использовать для построения личного капитала:

— Тотальная, вынужденная экономия. Когда ты находишься посреди глухой тайги, на закрытом объекте, тебе просто физически негде тратить свои деньги. Да, на промысле есть пара мелких частных лавчонок с продуктами. Но когда ты заходишь туда и видишь обычный маленький «Сникерс» по цене 120 рублей, у тебя моментально включается холодный расчет и внутренний еврей. Ты просто разворачиваешься и проходишь мимо. Деньги остаются целыми на карте.

— Нулевые издержки на быт. Доставка до объекта, перелеты, вертолетные чартеры, КамАЗы — абсолютно всё до копейки оплачивает работодатель. Работая здесь, я тридцать пять дней подряд не трачу ни рубля на бензин, дорогое обслуживание машины или общественный транспорт. Мой путь от кровати до рабочего кресла занимает ровно 5 минут пешком, а не 1,5—2 часа в душных, высасывающих энергию пробках мегаполиса. Жилье — тоже за счет компании. Твои базовые потребности закрыты полностью.

— Экономия на одежде и ресурсах. На вахте мы обязаны по регламенту ходить исключительно в спецухе, которую нам регулярно выдают в полном объеме. Моя повседневная гражданская одежда используется от силы полгода в году, что кратно повышает её ресурс — мне не нужно обновлять гардероб каждый сезон. Добавьте сюда полную экономию на домашней коммуналке, воде и электричестве в городской квартире, пока меня нет дома.

— Уникальный баланс времени. Мой график — это 35 дней работы и 35 дней абсолютной, стопроцентной, законной свободы дома. Обычная городская пятидневка с девяти до шести никогда в жизни не даст тебе такой роскоши. Приезжая на межвахту, ты можешь цели-

ком, без остатка посвятить себя семье, детям, своим хобби или созданию дополнительного заработка.

Из-за этого специфического графика, возвращаясь после смены в Санкт-Петербург, я каждый раз чувствую себя восторженным туристом. Мой глаз не замылен ежедневной серой рутиной: я остро, отчетливо вижу красоту старинных барельефов, новые интересные здания и изменения в городе. Местные жители, бегающие годами по замкнутому маршруту «дом-офис-дом», этой красоты вокруг себя уже просто не замечают.

Вахта дала мне мой первый серьезный стартовый капитал. Но она же в определенный момент поставила передо мной жесткий, отрезвляющий вопрос:

— Илья, тебе уже далеко не двадцать лет. Твое тело, твои суставы и твоя выносливость не будут вечными. Готов ли ты до самой пенсии, до седых волос, в минус сорок с ледяным ветром бегать вокруг замерзших, покрытых инеем труб?

Ответ внутри меня был очевиден и беспощаден: нет. Мне был жизненно необходим другой инструмент. Надежная, неприхотливая рабочая лошадка, которая будет генерировать мне живые деньги круглые сутки, наглухо обгоняя инфляцию. Инструмент, который работает, пока я сплю, нахожусь на жестком селекторном совещании или лечу в самолете к семье.

Так в моей жизни раз и навсегда появился фондовый рынок.

И в следующей главе мы вернемся в самый старт этого непростого пути — в январь 2020 года. В то благословенное время, когда доллар еще не стоил 120 рублей, мир даже не слышал пугающего слова «коронавирус», а я, движимый первыми амбициями и инженерной дисциплиной, закинул на свой только что открытый брокерский счет самые первые рубли. И решил для начала просто округлить баланс своей обычной банковской карты.

ГЛАВА 2

Проверка на прочность: эра округлений и коронакризис 2020 года

Знаете, с чего начинается абсолютное большинство историй о великих капиталах и успешном успехе? С красивых глянцевых графиков, баснословных стартовых сумм и заумных, напыщенных речей про глобальную макроэкономику. Моя реальная история в марте 2019 года начиналась гораздо прозаичнее — с обыкновенной, копеечной человеческой мелочи, которую мне было просто жалко оставлять на банковской карте. Первой покупкой на бирже были акции Газпрома за 1499 рублей. Почему выбор пал именно на этого гиганта? Ответ крылся в навязчивой магии телеэкранов и стереотипов: в те дни буквально из каждого утюга авторитетно вещали, что именно с Газпромом мечты сбываются. И я решил проверить народную мудрость на собственном опыте и кошельке. В силу своего характера, только потом начал разбираться. Позже понял, что даже на дальнем горизонте мои мечты не сбудутся и с бумагой в целом ничего хорошего не будет. Мне повезло, ровно через месяц я продал ее за 1637 рублей.

К началу двадцатого года я уже делал не столь робкие покупки на бирже. Скачав приложение, я время от времени покупал то лот МТС, то НЛМК, закидывая на счет скромные, случайные суммы — от 600 до 2500 рублей, разбавляя их деньгами отложенной с зарплаты. Ровно 10%, а иногда и 15% — такое правило я про себя сформулировал, для того чтобы планомерно вычленять средства с заработной платы на инвестиции. Когда обыватель слышит слово «акция», в его голове, как правило, всплывает заезженный голливудский образ Уолл-стрит: орущие в истерике мужчины в дорогих помятых костюмах, хаос торговой ямы и бегущие зеленые цифры на гигантских экранах.

На самом деле в XXI веке всё устроено гораздо проще и прозаичнее. Сейчас все сделки проходят электронно. Акция — это ваша законная доля в реальном бизнесе компании. Покупая на бирже даже одну-единственную акцию, вы юридически становитесь настоящим акционером и полноправным совладельцем этого огромного предприятия, получая законное право на кусочек его чистой прибыли.

На российском фондовом рынке акции делятся на две основные категории, и любому начинающему инвестору с инженерным складом ума важно с самого старта четко понимать принципиальную разницу между ними:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.